

ного мастера — владельца мастерской.<sup>1</sup> Это мнение представляется нам не вполне обоснованным: „Книга Эпарха“ не содержит никаких запретов и ограничений при приеме в цех ученика или мистия — для этого нужно было лишь представить определенное количество поручителей и уплатить взнос (см. ниже). Известное уже нам житие Или Нового рассказывает о судьбе ученика-мистия, проработавшего в мастерской два года и сделавшегося затем самостоятельным мастером. Бывали случаи, когда мистий женился на своей прежней хозяйке.<sup>2</sup> Установление в „Книге Эпарха“ помесячной платы мистию не может служить доказательством того, что на практике мистии были чрезвычайно подвижны: ведь и в западно-европейских средневековых городах встречалась не только годовая или полугодовая плата, но и недельная, полденная и т. п.

Таким образом, как и подмастерье на Западе, византийский мистий хотя и не был прикреплен к мастерской, сплошь да рядом оказывался прочно связанным с ней; он подолгу работал у одного мастера. С другой стороны, он имел возможность сделаться мастером. К византийскому ремеслу целиком относится положение Ф. Энгельса о том, что в средние века наемный труд вознаграждался „...не одной только заработной платой, но и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера“.<sup>3</sup> В житии Или Нового это обстоятельство проступает особенно ярко.

И в то же время между мастерами и мистиями возникали существенные противоречия. Некоторые из этих противоречий получили отражение в „Книге Эпарха“. Писцы тавуляриев пытались итти против воли своих хозяев — они подвергались за это увольнению (I, 17); сирикарии пытались продавать своих мистиев (мистотов) и учеников (VIII, 7). Между мастерами и мистиями шла борьба за заработную плату, и мистии переходили к другим мастерам, рассчитывая получить более высокое вознаграждение. В XI в. эта борьба принимает более острые формы: когда в городе Редесто в правление императора Михаила VII Паррапинака (1071—1078) началась нехватка продуктов, мистии потребовали повышения заработной платы.<sup>4</sup>

Кроме свободных наемных работников, некоторые мастера применяли труд рабов (*δοῦλοι*). „Книга Эпарха“ упоминает ойкетов, занятых в шелковом производстве (VI, 7 и VIII, 7), и ойкетов, находившихся в услужении свечников (XI, 1). В „Книге Эпарха“ встречается и другой термин для обозначения раба — *δοῦλος*, — в данном случае — раб, торгующий мылом (XII, 9).

Рабов, принадлежащих мастерам, упоминают иногда и другие источники. О приобретении ювелиром раба рассказывает раннее житие Иоанна Милостивого.<sup>5</sup> Раб, находящийся в услужении торговца, назван в „Чудесах иконы богородицы римской“.<sup>6</sup> Однако агиографические памятники не показывают, какую роль играли рабы в хозяйстве ремесленников и торговцев.

А. Штэкле полагает, что рабами являлись также *ἄνθρωποι*, „люди“, которых дважды упоминает „Книга Эпарха“: в уставе мыловаров

<sup>1</sup> М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 20.

<sup>2</sup> Genesius ed. C. Lachmann, Bonn, 1834, p. 55.12. Разумеется, это лишь единственный случай, которым приходится аргументировать из-за недостатка источников.

<sup>3</sup> Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 254.

<sup>4</sup> Attaleiates, rec. I. Bekker, Bonn, 1853, p. 204. 5.

<sup>5</sup> А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 151.

<sup>6</sup> E. Döbschütz. Maria Romaia, „Byzantinische Zeitschrift“, 12, 1903, S. 199.35.